

Мерягин Л.

15.10.92

СРЕДА

Экран и сцена - 1992 - 8-15 окт. (№№ 40-41) - с. 16

Кинорежиссер Леонид Марягин коллекционирует курьезы кино, театра, эстрады. Мы представляем читающей публике некоторые экспонаты его коллекции.

Партийный рояль

В эпоху борьбы с космополитами, когда у нас в джазе «разгбали саксофоны», согнувшиеся под гнетом буржуазного влияния, когда Россия была признана «родиной слонов», когда выяснилось, что на Урале создан первый в мире паровоз, а в Рязани—первая в мире ложка, в эту самую эпоху кинорежиссер не из последних—Абрам Матвеевич Роом снимал фильм о том, как у них там, в Америке, негров бьют и травят. Актуальная тема! Настала пора принимать эскизы музыки у композитора. Абрам Роом пришел в зал, где за роялем, разложив ноты на пюпитре, уже восседал композитор. Роом одним движением руки сдвинул листочки клавира, и его взору крупными белыми по черному открылось название фирмы, изготовившей этот рояль: «Блютнер». Абрам Матвеевич напрягся и, картавя, скомандовал: «Уберите этот рояль и привезите «Красный Октябрь». Команды режиссеров в те времена выполняли. Прикатили «Красный Октябрь». Композитор снова разложил ноты, взял первый аккорд и взмолился:

— Абрам Матвеевич, «Блютнер» звучал гораздо лучше!

И Абрам Матвеевич так, чтобы слышали все, заявил:

— «Блютнер» — непартийный рояль, он не может звучать лучше партийного!

Попугай Меламеда

Великий режиссер Мейерхольд ставил в своем театре «Даму с камелиями». И каждая репетиция начиналась с его возгласа:

— Где Меламед? — так звали преданного ассистента. Исаак Меламед появлялся, получал указания мастера и уносился исполнять их.

Однажды, для того, как объяснил постановщик, чтобы подчеркнуть мешанскую сущность героини спектакля Маргариты Готье, понадобился на сцене огромный попугай в клетке. Меламед отправился на Арбат в зоомагазин. Попугай был куплен. И с того дня присутствовал на всех репетициях — реквизитор выносил его в клетке на сцену, подвешивал к конструкциям, зажигал свет на сцене, раздавался крик Мейерхольда:

— Где Меламед? — и работа начиналась.

Наконец наступил день премьеры. Попугая в темноте зала вынесли на сцену, подвесили к конструкции. (Как известно, занавесом великий режиссер не пользовался, поэтому декоративные элементы и реквизит устанавливались задолго до того, как зрители попадали в зал). Зажегся свет. Секунда, другая... Попугай не услышал привычного мейерхольдовского «Где Меламед?» и горланно завопил сам:

— Где Меламед? Где Меламед? Где Меламед? Дали занавес, и попугая навсегда изъяли из спектакля.

Это был единственный случай в театре Мейерхольда, когда пришлось воспользоваться занавесом.

Магия заграницы

В середине пятидесятых Михаил Ильич Ромм поехал выбирать «французскую» натуру под Ригу в Сигулду. Латвия воспринималась тогда поч-

БЫЛ ТАКОЙ СЛУЧАЙ...

ти как заграница. В дороге режиссер задремал, а когда открыл глаза — увидел на лобовом стекле такси буквы наизнанку и обратился к таксисту-латышу:

— Тут у вас написано: ТЕХОС, а дальше МОТР. Это, очевидно, таксо мотор по-латышски?

— У нас, — не очень дружелюбно ответил водитель, — все теперь по-русски. Это «Техосмотр».

Очередь у Смирнова-Сокольского

Эстрадный фельетонист, собиратель книг Смирнов-Сокольский был человеком крутого нрава и соленой шутки.

Однажды к нему обратился достаточно известный деятель эстрады:

— Николай Павлович! Это возмутительно: мне передали, что вы меня послали подальше. Во-первых, я популярный артист. Во-вторых, я муж

певицы, в-третьих, я руководитель джаза! А вы — меня послали...

— Я? Вас? — удивился Сокольский, полез в карман, вытащил солидную записную книжку, нашел нужную страницу, внимательно изучил ее и в качестве свидетельства протянул деятелю:

— Вот здесь очередь из ста двенадцати человек. Все ждут, чтобы я их послал. Вас даже в очереди нет!

Версия Зощенко

В Москву из Ленинграда ненадолго приехал еще тогда не избитый Ждановым, в зените популярности Михаил Зощенко. Пришел в кафе «Националь» посидеть со своим другом Юрием Олешей. Беседуют за столиком в углу. Вдруг подходит кто-то из общих знакомых и трагическим шепотом сообщает:

— Только что умер величайший актер нашей эпохи, гениальный исполнитель роли Ленина — Борис Щукин.

За столиком воцаряется молчание, а подошедший продолжает:

— И знаете, как он умер?

— Как? — спрашивает Олеша.

— С томиком Ленина в руках!

Снова возникает молчание, и через паузу Зощенко резюмирует:

— Подложили!

Повод для соавторства

Два кинорежиссера, назовем одного X, а другого Y, много работали вместе, фильмы их были широко известны. Но за одним — который X — ходила слава вдумчивого, тонкого, талантливого человека, а за другим — тот что Y — слава позера и болтуна. И как-то после очередного бездарного и конформистского выступления Y-ка на многочасном кинематографическом совещании, к X-у подошел старый оператор Кальцатый и спросил:

— X, почему ты работаешь с Y? Он что, видел, как ты кого-то убил?

Одесский урок

После войны Аркадий Райкин с театром гастролировал в Одессе. На концерт пришел оказавшийся в родном городе Утесов. Одесситы были удовлетворены: за одни и те же деньги можно видеть и Райкина, и Утесова. Райкин был в ударе, много импровизировал, в конце спектакля вышел на просцениум и сказал:

— Я устал, вы тоже устали, давайте встанем и пойдём по домам.

Он спустился в зал, пошел по проходу. И весь зал поднялся и проводил Райкина до гостиницы «Лондонская». Демонстрация славы!

На следующем спектакле Райкин снова в финале вышел на просцениум, снова сказал:

— Я устал, вы тоже устали, давайте встанем и пойдём по домам.

Он спустился в зал, но зал не последовал за артистом. У самой гостиницы двенадцатилетний одесский шпаненок окликнул артиста:

— Дядя Райкин, старая хохма уже не хохма!

Леонид МАРЯГИН.

Шарж Якова СЕГЕЛЯ.